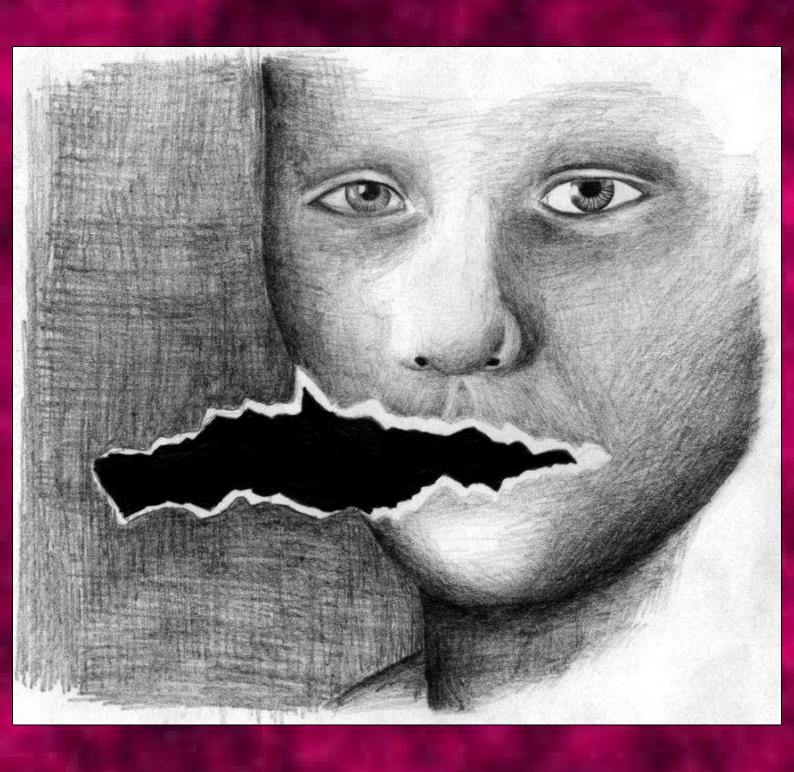
Becegs y namuna

Anbapo, 2010

«Omrasnue», almop: Upuna Oporoba

Слово редактора	2 стр.
Наши лица	3 стр.
Поэзия	The second second
Богдан Артемьев	4 стр.
Ирина Бондарева	6 стр.
Loran Jesal	8 стр.
Дарья Серенко	11 стр.
Marins Davis	14 стр.
Милодара Морозов	
Светлана Захарова	
Бескрылая Аннета	_
Марина Киевская	23 стр.
Мари Фиар	24 стр.
Дарья Иванова	26 стр.
Оксана Горошкин	
Проза	
Бескрылая Аннета	1.
Школьные з	
Публицистика	
«Прекрасная Мері	илин» 17 стр.
Рисунки	
•	Обложка, 22 и 29 стр.
Богдан Савчук – 5	The state of the s
Артур Кльован –	
Выбор читателя	30

3 gpalembyume,

наши дорогие авторы и читатели. Вот и вышел второй номер нашей газеты. Скажем честно: он был для нас сложнее первого по двум причинам. Во-первых, существенно уменьшилось число редакторов; во-вторых, гораздо меньше было и материала. Правда, его качество в большинстве случаев было выше, чем в прошлый раз. Меньше всего было прозы, поэтому второй номер почти полностью посвящен поэтам и художникам.

В связи с меньшим количеством материала, пришлось уменьшить и объем номера. Впрочем, мы только определяемся с удобным, оптимальным размером, который позволит вместить максимум достойных произведений и при этом не утомит наших читателей.

Есть и хорошие новости: у нас появилась новая рубрика. Она называется «Выбор читателя». Подробнее о том, что это за рубрика, будет написано позже. Пока в этой рубрике представлены только стихи. В последствии, если она приживется, в ней появится и проза, а может быть, и рисунки. Это будет зависеть от ваших отзывов, которые вы можете оставить в нашей группе на сайте «Вконтакте», а также на форуме.

Кроме того, в номер, помимо традиционных стихов и прозы, была введена статья, в данном случае биографическая. Хотелось бы, чтобы и это начинание не прошло незамеченным. Быть может, оно сподвигнет наших авторов и на публицистику.

Пару слов об обложке. У редакции нет пока единого мнения о том, какой она должна быть. В прошлый раз был представлен вариант для постоянной, единой, обложки газеты, которая могла бы сопровождать ее из номера в номер. В этот раз представлена идея изменчивой обложки: единым остается лишь общий вид, макет обложки, центром его является рисунок, который каждый раз берется из тех, что присылают нам наши художники. Теперь, когда обе идеи озвучены и представлены вашему вниманию, мы надеемся, что вы поможете нам определиться с выбором.

Ну, вот и все, что мы хотели сказать. Читайте нашу газету дальше и не забывайте делиться с нами вашими впечатлениями.

Borgan Apmoenvel

Becupuras Annema

Mapuna Kueberaa

Upuna Bongapeba

Murogapa Mopozoba

Мари Фиар

Оксана Горошкина

Dorgan Afrimencel

Tarac normara meda

Я проведу наброском нечётким по небу звёздному Строку раздумий, сюжетов когда-то искренних. Во тьме пространства никем досель непознанного Я разбросаю мысли свои цветными искрами.

Сольются одни из них с дырами мрачными, чёрными, Иные мир обретут в чужой галактике. В отсутствие воздуха и возможно навек обречённые Летать будут мысли без цели, без всякой тактики.

Особенно яркие светом зажгутся со звёздами И будут в безоблачном небе светить человечеству. И каждая фраза и мысль «Уж поздно нам...» Переродится в прекрасное «Мы дети вечности...».

Не знаю, как долог ещё мой полёт сознания, Не знаю я, где обрету для посадки полосу, Но только с годами приходит ко мне понимание, Что стоит поверить звёздного неба голосу.

Может стоит поспорить с термаметрам?

Плюс ползёт по стенке робко, Тает мокрая печаль, Где-то там запала кнопка В подсознании, а жаль. Пролистаю книгу снова, Снова не пойму сюжет... Взгляд на время: пол второго, Лето жду, его всё нет. Краем глаза вижу зиму, Краем глаза вижу чай... Мне б сейчас хоть малый стимул... Где ты солнце, отвечай! Нагло врёт полоска ртути, Тело выгнула на плюс, Но дойдя до самой сути, Мне играет ложный блюз. В пору зазвенеть капели И весны открыть глаза... Где ты солнце, в самом деле? Где весенняя гроза? Всё тепло, что есть со мною В кружке чая на столе. Не поспорить мне с зимою, Аргументы на нуле. Так наивны, словно дети... Но приятно, и не зря Помечтать о жарком лете В первых числах декабря.

Communication cracmos

Не уродина и не тупица, В статистическом мире рожденная Статистическая единица, Ни покинутая ни влюбленная.

От навязанных образов млеет И канонов мужской красоты. В зеркалах отраженье стареет, И все реже ей дарят цветы.

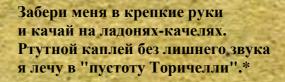
Запаковано право на счастье И закрыто в чулане глухом. А страдает? Страдает отчасти, Когда дождь проливной за окном.

По инерции мчит на работу. Статистический офис и стол. Статистические все заботы Обезличивают женский пол.

Но, однажды, схватив за запястье, ОН поселится в сердце пустом. Статистическое ее счастье Ворвалось свежим ветром к ней в дом.

Thuram

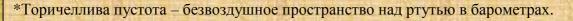
Мне не страшно болтаться в пространстве, окруженном твоим настроеньем. Я устала бежать и скитаться под, придуманным кем-то, давленьем.

Я посплю здесь немного, позволишь? Так согреться могла лишь в утробе. Я устала от призрачной воли кем-то взращенной вечной чащобы.

Напои меня теплым елеем. Я насытиться жажду с рожденья. Я устала быть псевдо-музеем кем-то созданных здесь откровений.

Мне пора? Что ж, спасибо за встречу. Ждет меня мир безумных мгновений. Я приют твой ладонный примечу, чтоб вернуться за новым забвеньем.

«Anser»

Pegsumenm

О любви, о любви пишу Много-много красивых слов Но зачем и о ком грущу? Мой любимый лишь тень от снов. Мой любимый лишь дух ночной, Он живет лишь в моей душе. Просто призрак во тьмой глухой, Он отжил, отмечтал уже, Он познал жизни боль и страх. И теперь он ведет меня, Солнцем светит в моих мечтах. С головой я ушла в себя – Это значит я с ним сейчас; Это значит - меня не тронь, Это значит горит о нас Двух соседних миров огонь.

Maremaen?

Зачем я храбро ввысь взлетаю, Забыв и крылья-то надеть? Зачем я вызов всем бросаю? Мне просто мало слишком лет.

И эта молодость играет С весной на пару в чет нечет, Ну и конечно побеждает В судьбе азартной только черт.

И он, лукавый бес, повеса, Смеётся злобно мне в глаза. И манит огоньком эфеса На битву с грустью, за леса

И я опять, шутя, взлетаю Оставив в небе яркий след. Что будет завтра? Я не знаю. Я просто верю в солнца свет.

Huma

Не узнает никто.
Нет. Не будут искать.
Если будут – потом.
А сейчас – умирать.
Не полюбит никто.
Равнодушие. Боль.
Тридцать слов над крестом...
Да...Молитва - пароль.
Открывается дверь,
Дверь запретная – в Ад.
Что ж за дверью?..
Поверь,
Лучше б выбросить яд!

Umpolizagna

Шаг... Пропасть. Страх. Боль...Пустошь. Тьма. Взлет...Крыльев взмах. Вверх. Вновь. Сама!

Рай... Просто. Сон... Боль. Пустошь. День. Вздох...Сердца стон. Да. Я? Лишь тень!

Бег. Быстро. Ты. Боль...Видишь? Нет. Стоп. Помнишь? Мы! Мы!...Гаснет...Свет...

Мир. Новый. Взгляд... Боль. Света!...Тьма. Что? Просто. Ад.. Вверх! Вновь! Сама!

Ukarense zamemku Traba nepbas

Зайдя в 205 кабинет, я почти свалилась на свой стул. Прошел один урок... всего один! А я уже как выжатый лимон... досадно. Вчера у меня было больше энтузиазма, даже после девяти часов учебы подряд. Хотя, быть может, это и есть настоящая причина неимоверной усталости — под конец года все эти занятия, репетиторы, спецкурсы начинают страшно надоедать, хотя в свободное время я очень даже не прочь порешать заковыристые задачки, поиздеваться над Паскалем (есть такой язык программирования, если кто не знает), или почитать статьи на английском. Но, Боже мой, разве это нормально — заниматься этим каждую неделю, да еще и в один день всем сразу! Хотя, кто-то говорил, что составить расписание, устраивающее всех, просто невозможно... и потому, видимо, его составляют так, чтобы оно не устраивало никого.

Усталый мой взгляд, медленно блуждая по стенам, лениво вполз в большое, ничем не прикрытое окно. Там, за этой хрупкой, прозрачной, но, увы, в данный момент непреодолимой стеной из дерева и стекла смеялась весна. Смеялась над нами, десятиклассниками, заваленными учебой, вынужденными полдня сидеть в четырех стенах родной гимназии, а потом еще столько же дома, дабы быть готовыми к следующему дню. Смеялась над учителями, тоже запертыми и уставшими не меньше нас. Но больше всего она смеялась надо мной. Смеялась, пуская свой яркий солнечный луч прямо в глаза; смеялась и нашептывала свежим ветерком, залетевшим в открытую форточку: «Ну что ты делаешь здесь? Зачем тебе это надо?» - и звала, и манила бросить все и выйти туда, под бездонно-голубое небо с нежными перышками облаков...Я резко тряхнула головой. Да, в весеннее небо опасно смотреть. Да и вообще в любое. Того и гляди уснешь... хорошо, если за партой, а если на ходу и врежешься в кого-нибудь?

В класс вошла моя соседка по парте. Вот уж кому можно позавидовать! У нее будто бы хватает времени на все. Несмотря на то, что Ира такая же заядлая отличница, как и я, она успевает еще и отрываться в клубах, гулять с друзьями, с парнем... «Вот и молодец!» - скажете вы. Но почему-то мне все чаще кажется, что это совсем не так. Да, она улыбается, но в ее смехе нет той искренности, что присуща по-настоящему счастливому человеку; в нем сквозит равнодушие, и налет усталости, той же самой усталости, что мучает меня. Со стороны это плохо заметно, но вот она садится рядом и начинает листать учебник. Я вижу, как слегка задерживаются, словно протестуя, пальцы прежде чем перевернуть очередную страницу, вижу, как тяжело опускаются веки, опускаются на мгновение, слишком маленькое, чтобы приметить усталость, но все же чуть большее, чем обычно, и тут же вновь поднимаются. Ирина умеет быть счастливой на людях. Но умеет ли она быть счастливой без них, когда никого рядом нет? Мне сложно это представить. Главный вопрос ведь не в том, какой ты хочешь выглядеть или быть, а чего это будет тебе стоить...

Я снова повернулась к окну. Все-таки лучше уснуть, глядя в небо, чем на свою соседку – хоть ее не смущать. А впрочем, все равно звонок скоро. Он ведь у нас здесь громкий, голосистый, хоть уши зажимай – все равно разбудит. Так что можно не бояться.

Вот начали подтягиваться и другие мои одноклассники. Хоть мы с ними далеко не близкие и вовсе не друзья, но без них, наверное, будет скучно после школы. Как-никак столько лет вместе учимся, пусть и не со всеми. Интересно, ктонибудь их них поедет поступать в Москву, как я? Интересно, поеду ли я? Хватит ли мне смелости отказаться от всего, бросить дом, друзей, и уехать, пусть и в столицу? Хотя, там должно быть хорошо. Ведь это же Москва! То, что здесь шик, там обыденность. Там должно быть хорошо. Вот бы попасть туда, вот бы посмотреть, узнать, как там и что, что бы уж точно решить...

Звонок неожиданно громко хрюкнул. Потом помолчал секунду и разразился своим невыносимым «дзззззы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-». Я зевнула, прикрыв лицо ладонями. Вот и Нина Григорьевна. И как ей всегда удается зайти в класс ровно со звонком?

Прямо магия какая-то.

- Здравствуйте! она дождалась, пока все угомонятся и встанут, приветствуя ее.
- Садитесь. Сейчас я сделаю одно объявление. Вот тут ваша одноклассница, Юля Валерова, принесла приглашение... В субботу в школе №64, в восемь часов состоится выездной экзамен... ну вот как здесь написано Специализированный Учебнонаучный Центр МГУ. Это, как я понимаю, какая-то школа... Юля утвердительно закивала:
- Это физико-математическая школа-интернат при МГУ. Туда принимают лучших детей со всей страны, и потом они могут даже без экзаменов поступить в сам МГУ.
- Ну вот, если кому интересно, идите... поучаствуйте хотя бы Нина Григорьевна положила на стол бумажку, которая видимо и была приглашением, и открыла ящик стола, намереваясь достать мел и начать-таки урок.
- Да куда нам, Нина Григорьевна, вслух рассмеялся Костик Разве мы напишем...
- Ну вот ты не напишешь, а кто-то другой напишет! С усмешкой ответила она и многозначительно взглянула на меня. По ее губам скользнула легкая улыбка с капелькой самодовольства видимо, на моем лице все было ясно написано... Я спрятала свой взгляд в тетради, где-то в недрах исследования всевозможных функций, но глаза бездумно блуждали по строкам, совершенно не заботясь об их содержании. Сердце мое бешено билось; от утренней усталости не осталось и следа, и лишь однаединственная мысль бурной волной поднималась откуда-то из глубин сознания, билась, захлестывая разум, и буквально кричала внутри меня: «Это мой шанс!!!»

Остаток учебного дня пролетел так стремительно, что сейчас его уже почти невозможно вспомнить. Были какие-то уроки, кто-то что-то говорил, делал, получал или ставил оценки – мне это уже было не важно. Вся школьная суета перемешалась в одну большую разноцветную кашу, привычную, но тем не менее довольно противную; к счастью, неожиданная новость скрасила ее хроническую несъедобность (или, по крайней мере, плохоперевариваемость) как большая, нет, даже огромная ложка ароматного варенья, и за ее смакованием и предвкушением очередного праздника живота я и не заметила, как кончился последний урок. Домой! Домой! Скорее рассказать маме! Скорее поделиться с ней, выплеснуть этот поток эмоций, которые просто рвут меня на части! Скорее убедить ее, что я уже взрослая, что я смогу о себе позаботиться, и, конечно же, что я должна ехать, должна испытать судьбу!

Как назло, мамы дома нет. Трубку не берет – видимо, либо только что ушла, либо сейчас придет (она обычно ходит обедать домой). С тяжелым вздохом решаю сделать пока домашку – все-таки шанс шансом, а учиться все равно надо!

Грустно гляжу на стопку книг у себя на полке. Куда же запихать учебники, что в сумке? Они сюда никак не влезут, хотя... Вот если вот эти два поменять местами, а этот вообще убрать – все равно не нужен – то как раз хватит места...

Колмогоровская математика, печально прошнлистев страницами, подчиняясь силе тяготения, покорно треснула меня по голове, с грохотом ударилась об стол и кувырком полетела прямо на мирно теревшуюся об мои ноги кошку. Та недоуменно понюхала пронесшуюся в миллиметре от ее носа увесистую книжку и все же решила, от греха подальше, спрятаться под кровать. В последнюю секунду, когда она уже почти скрылась, я успела-таки ухватить с ее хвоста клочок бумажки, выпавший из учебника. Корявая надпись на нем гордо гласила: "http://www.***.ru". Сайт этой школы! Точно! Надо поглядеть!

Мчусь к компьютеру, с ходу на полную вжимаю кнопку — не включается. Что такое?! Секундный ступор. Потом с глупым хохотом включаю его в розетку. Как всегда: поспешишь — людей насмешишь!

Шайтан-машина (как любит выражаться папа) начала медленно, грозно гудеть, и на экране засверкала эмблема Биллова творения. Ну давай, же, давай! Ну что ж ты так медленно... Комп усиленно моргал зеленой лампочкой, но молчал. Вот зараза... В дверь громко постучали. Родители!

Чайник весело свистнул на плите, прежде чем я выключила газ. Чашка горячего чая – как раз то, что нужно после прогулки по улице, ведь там все еще холодно. Мама сидит с задумчивым видом:

- А ты уверена, что хочешь поступать туда? Там ведь не будет ни мамы, ни папы, там придется жить в общаге, самой себе готовить, стирать, убирать. Да и люди там другие будут...
- Ну и что? Я вполне могу за собой следить, зато я получу хорошее образование!
 - Даже не знаю...
 - Ну ма-а-а-а-а-ам! Это же мой шанс!

Она тихо вздохнула.

- Ну ладно. Экзамены сдать – это не уехать, правда? Ты тогда сейчас на сайт к ним залезь и посмотри, какие там программы, повтори все. Может тебе даже в школу не походить три денька-то, как думаешь, Саш? Почитать, прорешать, просмотреть все, а то и не сдашь!

Папа демонстративно отправил в рот кусок булки с маслом и вареньем, медленно все это прожевал под женскими пытливыми взглядами, глотнул чаю и, наконец, изрек:

- Пусть не ходит.

Внешне спокойная, но с громким криком: «Урррррррррраава!!!» в душе, я ушла начинать осуществление своей мечты. Мне предстояло еще много трудных испытаний, но пока я не знала об этом. Пока передо мной стояла лишь одна цель, вполне логичная и на первый взгляд не такая уж трудная — за три дня повторить весь материал, необходимый для экзаменов, и... сдать их!

Appro Cepennia

Boga

Я добывала свет из тёмного колодца: Я воду выносила на солнечный простор. Студёная вода, пронизанная солнцем, Была на вкус живой, глубокой и простой.

Её хотелось пить с закрытыми глазами, Распахивая боль солёного нутра. Её хотелось жить, расцвечивать словами, Сплетёнными в одно из веточек и трав...

Когда-нибудь и я сплету такое слово И низко поклонюсь живой моей воде. И, может, буду петь, как разучилась - вдоволь: До сухости во рту, до звона в голове...

Neverona

Горстка земли, лепесток цветка, Камень, который вода точила... На расстоянии счастье ткать Время меня учило. Не надоело к чужим кострам? Я распускаю тугие косы. Косы и нити... Из дальних стран Ты привези мне просто Горстку земли, лепесток цветка, Камень, который вода точила... Самому сложному - отпускать - Время не научило.

Не вынуть, не вымыть Меня из твоих стихов. От горького дыма Глаза становились горше... И я протянула две маленькие пригоршни С россыпью самоцветов и леденцов.

Не вымыть, не выдымить...

Вечер прибавил ходу, Чтобы быстрее всех подойти к концу. А у нас За каждой щекою - по леденцу. А у нас На каждом запястье - по хороводу...

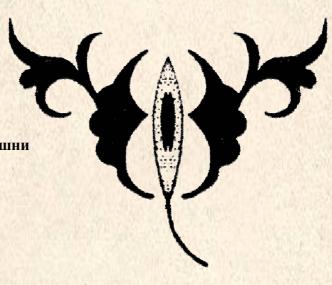
Ты пишешь, Я рядом пью ключевую воду. И, знаешь, счастье Нам очень с тобой к лицу.

Copya

Кому-то - узды, кому-то - узы, Кому - хомут, а кому и узел. Но пот с боков, как морская пена, И тьма оков для любого плена... По ветру гриву, и что есть мочи Несись навстречу свободной ночи. Но не ропщи ты, свободу чуя: Кому - бразды, а кому и сбруя.

Cuer

В твоих глазах идёт бесконечный снег. Но этот снег давно разучился таять. В ком сотни тысяч белых невскрытых рек, В том очень быстро затвердевает память. Я буду рядом много снегов спустя. Пусты часы: их стрелки давно опали. И боль пуста, и память уже пуста, И мне тепло от карих твоих проталин...

Одной девушке. Посмертно

А кто из нас не рвался к заездам, милый мой? Кто не хотел всего и сразу? Возьми меня в охапку, отвези домой. Останови меня на этой фразе. А кто из нас по встречной не гонял? А кто не разгонялся до предела? Тащи меня, мой милый, на вокзал. И прочь из города, пока я не сгорела, как свечка, спичка, лампочка, бумажный лист. Бей в колокол, сигнальные ракеты трать. Я твой любимый циник-эгоист. Меня совсем не сложно потерять. Мне тесен город, мне тесна страна. И кто из нас не смел и не запальчив? Нет, не спасай меня - а выбрось из окна, вложив предсмертную между холодных пальцев. Там будет — «некого винить, сама решила сигануть с балкона». Там будет — «просто надоело жить. . .» В кармане пиджака найдут икону. А на поминках, горла не жалея, вой. От горя волосы с башки косматой рви. Ну что ты растерялся, милый мой. Ну что ты грустно смотришь? Подтолкни.

Pananc. BB

Бьет холодом в глаза противный первый снег. Пройти нельзя, дворняга смотрит на меня, как человек. Трезвонит телефон, аллокаю, чуть злясь, конечно, это он, ну разумеется лишь он, кричит, смеясь. Что что-то где-то сдал, зарплату получил, что мчался на какой то там вокзал, но опоздал. И пьяный в дым. Бьет холодом в нутро ноябрь, что есть сил. Цыгане у метро, и снег как серебро. Я - в магазин. Купить томатный сок, и хлеба не забыть. "привет, родная. Беспокоит Бог. Учись любить."

<u> </u>

И день как день, октябрь как октябрь. И дождь, и ветер. Грязная листва. Я улыбаюсь шире, попадая в кадр, и не хочу доказывать, в чем я была права. А день как день. Бывали дни получше. Бывало, ржали сутки напролет. Теперь - один работает, другая что- то учит, а третья лечит то печенку, то живот. Но день как день. И никого не жалко. И даже ту, смешную, с животом. Я одиночеству и друг, и содержанка, мне одиночество и свет, и стол, и дом. А день как день. Бывали дни похуже. Бывало - безнадега, нищета, глотали чай пустой да из щербатых кружек, студенчество. Общага - красота. Теперь один открыл своё, другая служит в банке,

та, с животом, купила мазду, пусть в кредит. И каждый взял и свою цель, и высоту, и

планку.

anna Davis

И от амбиций глазки лезут из орбит. Нет, день как день. Москва, машины, пробки, спешащие студенты из метро, мамаши с сумками, пакетами, коробками, чужие спины в куртках и пальто. Ведь день как день. Я очень ему рада. Обычное ненастье, стандартные дела. Идут мои друзья. а я не с ними рядом. А я пять лет, пять лет как умерла

Y mena econo mos

У меня есть ты. В холодильнике - винегрет и ром, еще есть пара дисков - ну тех, из Питера.

У меня есть ты. Есть какой-никакой, но дом, есть учебники на английском, и два мятых свитера.

У меня есть ты. Есть диван и чай, есть какие то планы совместной жизни.

У меня есть ты. Два просроченных флаера в "Рай", и тарелочка спелой вишни. У меня есть мечты, ведь я много чего хочу - ну там в космос слетать, еще порулить на танке, выиграть пару конкурсов красоты, черные Джимми Чу, еще "оскар", "гремми" и длинный счет в банке. Я совсем не Моника, и даже не Хайди Клум, у меня прокурен голос, и довольно паршив характер. Справедливости ради - ты тоже не Депп, и не Блум, не Том Круз с миллионным контрактом, мы ругаемся чаще, чем переключаем каналы, пьем вино из картонных стаканов- их трудно разбить, - когда нервничаю я отчего- то всегда бью бокалы, теперь просто ору дурниной, раз нечего бить.

У меня есть ты. Есть прогулки по вечерней столице. Кружка есть смешная, и две зеленых подводки для глаз. Четыре крема для тела с ароматом корицы. Дошираково-роллтонный неприкосновенный запас.

У меня есть ты. Есть в прихожей кеды. Есть на кухне плавленые сырки "Дружба".

У меня есть ты. Есть твои забавные дреды.

Если честно, мне больше-то ничего не нужно.

«Bonngann»

Роняют капли воска свечи, Отражаясь в хрустальном шаре. Вопрошающий - человече, Духи правду скажут едва ли.

Неизведанны эти границы. Разложила на столике Таро. Старых книг потемнели страницы, Свой ответ отдают не задаром.

Ты за знания платишь душою, Одиночеством и отчужденьем. Если требуешь мести, то кровью Данной тут же, без промедленья.

Здесь главенствует суть Равновесья: То, что просишь и что отдается... До конца никогда не известно, Что теряешь и то, что найдется

Пусто, грустно и печально. Ночь настала, кончен бал. Колокольчиков хрустальных Звон раздался и пропал.

Я иду по бальной зале, Вспоминаю что и как. Здесь сидел Пьеро с гитарой, У стены его колпак.

Завитушки серпантина, Чей-то веер позабыт, Бант с прически Коломбины, Маска на столе лежит.

Здесь вино разлито кем-то, Кто-то туфлю потерял, В карты кто-то проигрался... Был веселым этот бал.

Кто-то с кем-то помирился, Кто-то с кем-то изменил, Кто-то в дрыбодан напился, Кем-то вызов брошен был.

Танцевали все не мало, До упаду, как всегда, Бал окончен, ночь настала. До свиданья, господа!

Прекрасная Мэригин

Имя Мэрилин Монро знакомо каждому. На долю этой красивой женщины выпало немало трудностей и перепитий. Она прожила короткую, но яркую жизнь, оставив след в сердцах миллионов людей. Мы знали Мэрилин как актрису, прекрасную женщину, секс-символ и недостижимый идеал. Но сможем ли мы когданибудь узнать, кем она была на самом деле?

Настоящее имя Мэрилин - Норма Джин Бейкер. Она родилась 1 июня 1926 года в Лос-Анжелесе. Ее мать – Глэдис Бейкер, отец неизвестен.

У Нормы было сложное и короткое детство, и провела она его в скитании по разным семьям. В возрасте двух недель мать отдала ее на воспитание в чужую семью и забрала только к восьми годам. А в 1935 году (Норме 11 лет) ее мать попала в психиатрическую клинику. Опекуном девочки назначили ближайшую подругу матери, Грейс Эткинсон Мак-ки. В последствии Норма жила то с опекуншей, то у ее родственников, то в приюте, то снова у опекунши. Когда Норме исполнилось 16, мужа Грейс перевели работать в другой город. Норма уже давно была обузой для этой семьи, и они не могли взять ее с собой. Норма вышла замуж за Джима Деггерти, двадцатилетнего парня, который давно за ней ухаживал. Бракосочетание состоялось 19 июня 1942 года. Через год после свадьбы ее муж нанялся в торговый флот и Норме пришлось работать. Сначала она работала на авиационном заводе, после — ушла работать на радио.

В 1944 году судьба столкнула ее с армейским фотографом. Он фотографировал женщин, выполняющих военные заказы, для поднятия боевого духа солдат. Фотограф предложил Норме сниматься за 5\$ в час. Она согласилась, и именно эта съемка со временем привела ее в кино. Некоторые из этих снимков попали в фотоагенство «Голубая книга». Вскоре ее фотографии стали появляться в журналах для женщин.

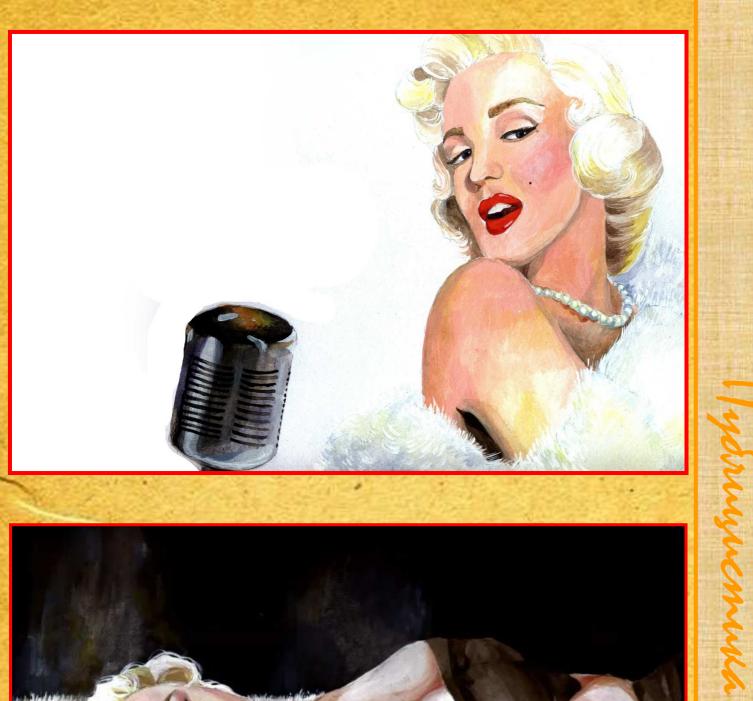
Через два года она получила обещание заключить контракт с кинокомпанией «Двадцатый век Фокс», куда ее брали статисткой. Именно здесь она получила свой псевдоним: Мэрилин Монро. Фамилия Монро принадлежала ее бабушке. Впоследствии она была уволена оттуда за роман с сыном человека, заведовавшего производством фильмов на студии. К этому моменту Мэрилин уже была разведена.

Следующий свой контракт Мэрилин заключила в 1948 году со студией «Коламбия Пикчерз». В октябре 1948 года вышел первый фильм «Хористки», в котором Мэрилин говорила и пела. Фильм был слабым, но он стал очередной вехой в карьере Мэрилин: ее голос получил одобрение публики.

В киностудии Мэрилин доставались не самые лучшие роли. Тогда она имела дело с Джонни Хайдом - заместителем председателя агентства Уильяма Морриса. Именно он получил для нее крошечную роль в «Асфальтовых джунглях». После смерти Хайда в 1950 году, Мэрилин вновь подписала семилетний контракт с «Фокс». Уже к концу 1951 года Монро получала 2-3 тысячи писем от поклонников в неделю.

В 1956 году Мэрилин вышла замуж за известного драматурга Артура Миллера. Тогда же она предприняла серьезные попытки вырваться из своего амплуа: посещала актерские курсы в Нью-Йорке, открыто говорила в интервью, что жаждет драматических ролей. Мэрилин хотела, чтобы в ней видели актрису, но для режиссеров она была хорошенькой девочкой с милым голосом. Ей по-прежнему предлагали все тот же репертуар.

Брак Артуром оказался самым долгим в жизни Мэрилин: он продлился четыре с половиной года. В 1961 году Мэрилин развелась с Артуром. Официальной причиной развода называли «несхожесть характеров». Сразу после развода Артур написал пьесу - предположительно, специально для

1 youngement

Мэрилин. Потом по ней был снят фильм «Неприкаянные». По сути, он стал единственным фильмом с Мэрилин, в котором ей удалось выйти за рамки привычного амплуа. И он же стал ее последней экранной работой.

Мэрилин Монро скончалась 5 августа 1962 от смертельной дозы снотворного. Официальной версией смерти считается версия о самоубийстве. Тем не менее, существует немало других версий смерти актрисы. Среди них не последнее место занимает версия об убийстве, совершённом спецслужбами

по приказу братьев Кеннеди

во избежание огласки их сексуальных связей. Факт связей, как и сама эта версия, до сих пор не нашел подтверждения.

Второй муж Мэрилин Джо Ди Маггио, брак с которым продлился всего 9 месяцев, но с которым она была дружна до конца жизни, в течении 20 лет проводил собственное расследование гибели актрисы. Сначала самостоятельно, а потом с нанятым им частным детективом.

Ажиотаж вокруг личности Мэрилин Монро не стихал и после ее смерти. Было выпущено множество книг и публикаций о ней, неоднократно снимались документальные фильмы. И сейчас, спустя почти 50 лет после ее трагической гибели, споры вокруг имени Монро до сих пор не утихают.

Ее называли «воплощением секса», «жертвой, жаждущей любви», «милашкой», и просто-напросто «глупой блондинкой», полагаясь на видимость, конфетный фантик навязанного киностудиями имиджа. Но мало кто действительно мог разглядеть в ней талантливую актрису, запертую в тесных рамках своего амплуа. Мало кто видел в ней яркую личность, слушавшую Бетховена и Рахманинова, посещавшую выставки работ Гойи и Родена; и женщину, искавшую, но так и не встретившую счастья.

<u>Mcточники:</u> http://merlin-monro10.narod.ru, http://www.marilyncollection.com

http://ru.wikipedia.org/

Авторы статьи: Оксана Горошкина, Евгения Литвиненко. **Автор Иллюстраций:** Богдан Савчук.

10 npurun moeŭ nenabucmu

Слишком многие вещи Ты приучил меня ненавидеть: «Океан Ельзі», «Високосный год» И Че Гевару, Кофе и все кофеиносодержащее, Чертовы утра, В которые все по-старому, Бессонные ночи, Кровь на подушке, Знак биологического заражения, Обкусанные губы, Обгрызанные ногти, Вкус корвалола, как вкус поражения, Страны балканского полуострова, Звонки, которых нет И больше не будет, Мелких сучек, Что цепко вгрызаются, Того, чего не видят Прочие люди, Караоке и все, из него вытекающее, Фильмы про любовь, Счастливую и несчастную, Твой лживый язык И такой родной запах, Твоих собутыльников, Твоих соучастников, То, как ты смеешься, Как будто ничего и не было, То, как ты молчишь И смотришь участливо, Твой дом, Где я все углы обплакала,

Мой дом,

Где непонятно чему была счастлива,

Пирожные, книги, Красивые камешки, Фразы и мысли, Тапки с расческами, Всю мою жизнь, Помято-полапанную, Со всеми ее серыми И черными полосками...

Я не тут. Я не там. Я нигде. Меня нету Босиком. По воде Я покину. Планету. Как звезда, Без следа, Через время-Пространство, Я уйду Навсегда, Чтоб навеки Остаться.

Я не тут. Я не там. Я нигде. Меня нету. Ветерок По ногам. Я гуляю По свету. Может быть, Как-нибудь, Через тысячи Весен, "Где она?" -Кто-нибудь У кого-нибудь Спросит.

Earn be mep nogyem

Мое бедное сердце В него ты, как в бубен, стучишь,
Мои ноги гудят,
А на небе гудят провода.
Снова некуда деться,
А ты, как обычно, молчишь,
Хлещет с неба беда.
Говорит и поет лишь беда.

Если ветер подует -То с разных сторон, Вырывая из рук То, что дадено нам. Если это - деревья, Почему я не вижу их крон? Лишь белеют стволы в темноте. С перекладинами... Снова не было счастья, Несчастье опять помогло. В небесах воронье Пусть заткнется - закончился бой. Снова злая беда И журчит, и стучится в стекло. Наплевать на нее -Я пою, я живу, я с тобой. Если ветер подует -Подставь паруса, Ухватись за штурвал И - самый полный вперед, В путь бескрайний. И море Однажды нырнет в небеса... Ну а я буду ждать тебя там. И земля запоет!

Frema

Я везде.

Я нигде

Меня нету

Только рябь

Только вечер

На свете.

По воде.

И ветер.

Chenrana Saxapola

Onopa

Когда я была еще маленькой, Я придумала себе Старшего брата. Он был сильный, веселый и умный, Играл со мной в разные игры, Понимал меня лучше подружек И защищал, Когда били за школой.

Когда я стала постарше, Я придумала себе лучшего друга.

Он был всем для меня — Моей музой, Моей первой любовью, Моим первым мужчиной, Отцом моего сына, Самым сильным, веселым и умным, Пока внезапно не оказалось, Что я для него — чужая, И он давно любит другую.

Я сразу тогда постарела,
И придумала себе доброго Бога.
Он – сильный, веселый и умный,
И никогда меня не оставит.
То, что женщины должны быть сильными Придумали слабые мужчины.
Сильной женщине
Мужчина не больно-то и нужен.
А мне - нужно плечо,
Чтоб на него опереться.
Широкая грудь,
Чтоб в нее уткнуться.
Спина,
Чтоб во сне к ней прижаться.
Я всего-навсего слабая женщина.

He xory a bume norman

Не хочу я быть поэтом – Слишком долго не спала, От заката до рассвета Выживала, как могла.

Собирала слезы в рюмку, Выливала за окно. Ох, вы, думы мои, думки, Все остались все равно.

Надоело это дело – Постарела на сто лет, Слишком рано поседела, И давно покоя нет.

Сами знасте, ребята, Как поэту тяжело. А итог – листок помятый, Капля крови, пара слов...

Бескрылая Аннета

Вместо рыбы Водорослей слипшиеся комки.
Утонули
За ракушки Пробки алюминиевые приму.
В пальцы мне впивавшиеся крючки,
Я в песке, шагаю необдуманно по нему.

Потно светит
Месяц, через хлипкую пелену,
Ветер молча
Кляксам раздает на небе пинки,
Старый катер,
Сломанный, идет тихонько ко дну Это жизнь с надеждами скрестила
насмерть клинки

Капельки по лужам, Крапинки на стеклах, Кап-кап, кап-кап, На машинах блеклых.

Слабой женщине нужна опора.

Красные осколки, Белые халаты... Тук-тук, тук-тук, Я не виновата.

Стрелки на тринадцать Из блестящей стали. Тик-так, тик-так, Только бы не встали.

Выдох, вдох; так трудно... Тихий стон... А нужно? Кап-кап, кап-кап, Капельки по лужам.

Cyenapui

Сценарий жизни у меня один, Но каждый день в нем изменяет главы. Со мною рядом остается сплин, Не требующий лести и отравы.

За ночью утро - пройденный маршрут. Звонок...Звонок и снова та же спешка, А в голове стучит одно: глаза не врут, Вот только бы найти конец отрезка.

А может быть все это только сон, И стоит мне проснуться - все исчезнет? Путь сокращает брошенный жетон, Я не забыла, переход, вагон последний.

Стреляют, сверлят сотни новых глаз: Через газеты, книги и журналы. Я поражаюсь глупости всех фраз, Из мыслей составляя телеграммы.

На станции был пройден турникет, Через меня промчался гул трамвая... Мне кажется, мы замкнуты в брикет: Ты - между мной, я - между чьим-то раем.

И до тебя осталась только малость. Я снова еду в полутемном лифте, И замечаю, что ни в чем уже не каюсь. "Спасибо" благодарней, чем "Спасите".

Hornon Cymbyt

Мне нужны твои плечи, чтобы уснуть, Мне нужны твои крылья, чтобы летать. По термометру вправо - убийца-ртуть - Лезет вверх. Опровергнут приказ: "Стоять!"

В левой части груди пунктирная боль. Режиссёр ставил драму, а здесь варьете. И в моих перекрёстках с тобою любовь На скамье подсудимых по всем ДТП.

Производной от света является тень. Я привыкла, с тобою дорога - в ночь. Только звёзды хрустальные ты не задень, Удалось мне зажечь их - не обесточь.

Ночь завесила тёмным проёмы окна, Звёзды яркие, - свет включать не надлежаще. И любовь пригубила лишь, я же - до дна Пью десертное. Может быть, жизнь станет слаще?

Meraro

Сегодняшний воздух пронизан печалью. Светла? Да, конечно, какой же ей быть? И осень была за меня изначально, А я разучилась любить. Ты смотришь героем, никто и не спорит, И так неуместно здесь слово: "вина" Молчишь, только осень предательски вторит Что всё, между нами стена. И взгляд в пустоту, да какое спасенье? Держаться нет сил - отвожу я глаза, А ты говоришь мне: "Ведь это везенье Что вскоре уйду - "за"... Я вспомнила море, тот рокот прибоя, И раковины перламутровый свет, Со мной всё в порядке, вот только от горя Глаза поменяли цвет. Врач сухо сказал: "Здесь паник не надо. Возьми-ка и выпей всё залпом - на!" Я знаю, что жизнь-это капелька яда В хрустальном бокале вина. Осеннее небо проникло печалью. Светла? - Нет, конечно, ей светлой не быть. Любовь ведь была за меня изначально... Мне некого больше любить...

Сдать назад невозможно, и молнией взгляд, Как проверка на прочность песочных зеркал. Ветер холодом в комнату – саморазряд: Зеркала уцелели, разбился бокал.

Провожала любовь полсудьбы напролёт.
-"Ты уверена, в сердце не будет пусто?"
-"Не должно быть", а ртуть всё ползёт и
ползет

На термометре 40, зашкалили чувства.

В Петербурге

Красивый город для поэтов, Над серой стылою рекой. Я знаю мрак его заветов, Запомнит он меня такой...

Меня запомнит он бродящей Под сводами своих домов, Родное что-то находящей В звучании колоколов.

И мостовые измеряя Шагами гулкими в ночи, Я смысл жизни не теряла, Я находила к ней ключи.

Здесь слишком больно быть ненужной, И слишком холодно молчать! Мне нужно только, чтобы было, С кем ночи белые встречать.

И с кем сидеть в кофейне утром, А не бежать и прятать взор, Как прячут краденое воры, А проститутки - свой позор.

Все мечты мои так осязаемы: Жить с тобой в шалаше или замке, Рисовать друг для друга открыточки И писать "я люблю" на изнанке...

Целовать тебя нежно и трепетно, В дрёме солнечной и под луною, А вокруг первозданные шорохи И никто не тревожим виною...

Выйти утром, случайному радуясь, - А в глазах - весёлые черти! - И, вернувшись, будить тебя ласками, И совсем не помнить о смерти.

No upaso sponacmu

Моя жизнь - хожденье над пропастью, И борьба со своими страхами. Неуютно, где нет невесомости, Будто пол подметают рубахами...

Я хожу под питерским дождиком Пять лет... Десять...Иль сто? Нет разницы. И ничто-ничто не меняется... Я наказана, как проказницы?

Ах, как весело! Слишком весело! - Это мой мешок, чтоб душить тоску! Снова осень краски развесила... Ждёт, когда же я - револьвер к виску.

Только мне не страшно над пропастью - Глупо жизнь пройти там, где хожено! Я - на красный свет! И кричат мне вслед: Не туда идёшь!", "Не положено!".

Aspea Warrola

Tymanner npuny

Рассвет окрасил в розовый узорчатые башни, А он в тоске непрошенной всё ищет день вчерашний, А он уходит к озеру, чтобы прийти с туманами И нашептать орешнику, какие видел страны он.

Сомнения бессмысленны, свеча погасла белая. Любовь его немыслима, любовь его несмелая. Он скрипку, словно девушку, к щеке прижавши трепетно, Ведёт смычком мелодию. А за стенами ветрено,

А за стенами холодно, и ветер воет жалобно. Он покрывает голову, он закрывает ставни. Он в ночь уходит тёмную, холодную, недобрую, Он в ночь уходит страшную, как будто в жизнь загробную.

А там, за океанами, она уснёт за картами, Колдунья безымянная, живущая закатами. Она туманы выбросит на землю одинокую, Разряд сверкнувшей молнии зажжёт звезду далёкую,

Он снова возвращается, кляня туманы серые, И вновь она печалится, и слёзы льёт несмелые. Чтоб мог он жить рассветами, она живёт закатами. А ночью снова ветрено. Она уснёт за картами.

Ударюсь оземь, рассыплюсь пеплом, Вспорхну орлицей в чужие выси. Соткать бы душу, да всю из света, Да сердце гладью по ткани вышить. Рассыплю слёзы росой на травы, Зашью восходом холстину неба. Встречайте, степи, поля, дубравы, Леса, озёра, где бродит небыль. Немые дали, седые кроны. Рисует осень пейзаж молитвы. Сплету из листьев себе корону, На трон воссяду из ягод диких. Я стала новой, я стала давней, Гремят раскаты ночного грома. Не будет больше закрытых ставней, Не будет больше семьи и дома. Бросаю письма, сжигаю книги. Закат струится невинной кровью. Застыло сердце в последнем крике Ударюсь оземь...ударюсь больно.

Я не знаю о чём писать. Пусть рука решает сама. Снова будет снега верстать Задержавшаяся зима. И в копилку моих грехов Новый грех добавляет век -Горько-яростную любовь. И струится хрустальный смех В облаках, на просторах льда. Порождая вселенский взрыв, Разгорится сильней звезда, Чтоб погаснуть, глаза закрыв. А вода – это тот же лёд, Только мягче, теплей, нежней... Презирая ветров полёт, Презирая унынье дней, Загорается тишина, Согревая теплом руки. Пусть душа решает сама, Я не знаю о чём стихи.

Разбиваются вдребезги стёкла души, Отфильтрована временем нежности завязь. По разлукам и встречам я выучу жизнь, Сургучом запечатав бурлящую память.

Безысходная высь куполов и небес Превозносит морозное утро как чудо. Тонкий лёд на руинах разбитых сердец Затрещит под ногою ни брата, ни друга...

Не судья и не бог, это кто-то другой – Разбивает мне душу в морозную осень, Собирая в ладони забытую боль, Первый снег обратив в чуть заметную проседь,

На мгновенье вернув мне тепло вечеров, И оставив в груди лишь забытое чудо И осколки души, и молитвы без слов, И уход в бесконечность – ни брата, ни друга...

Живу в предчувствии апреля, Сдувая пыль с календаря. Я снегу за окном не верю, Не верю снам, где нет тебя. Я ворожу над лунной пряжей, Я тку сказанья прошлых зим. Кто о тебе теперь расскажет – Кого ты встретил, кем любим? Кто сдёрнет покрывало тайны С твоих задумчивых ресниц? То лето было не случайным, Но выцвел след его зарниц. Но замели снега дорогу, Запорошили вьюги путь. Какому-то чужому Богу Пытаюсь в душу заглянуть, И измеряю расстоянье Не километрами – строфой. Ты отвергаешь покаянье, Смотрю во след с немой тоской. Я ветер южный приручила, И северный подвластен мне, Тебе неведомая сила Звездой застыла на челе. Живу в предчувствии апреля, Сдаёт позиции зима. Я снегу за окном не верю -Я соткала его сама.

Нету в мире счастья! Счастья в мире нету! Погуляю с Настей. Пожую котлету.

Поболтаю ножкой В темной синей речке. Поболтаю с кошкой Утром на крылечке.

Прочитаю книжку. Всю. Про невидимку. С теплым мягким мишкой Лягу спать в обнимку.

И приснится: елка, Мишура, морозы... Нету в мире счастья! Говорю серьезно!

Рассыпайся по городам, По затянутым пылью книгам. Рассыпайся по снам, интригам, По любимым тобой стихам.

Рассыпайся, как снег зимой, По суровым и добрым лицам. Оставляй от себя крупицы В каждой луже на мостовой.

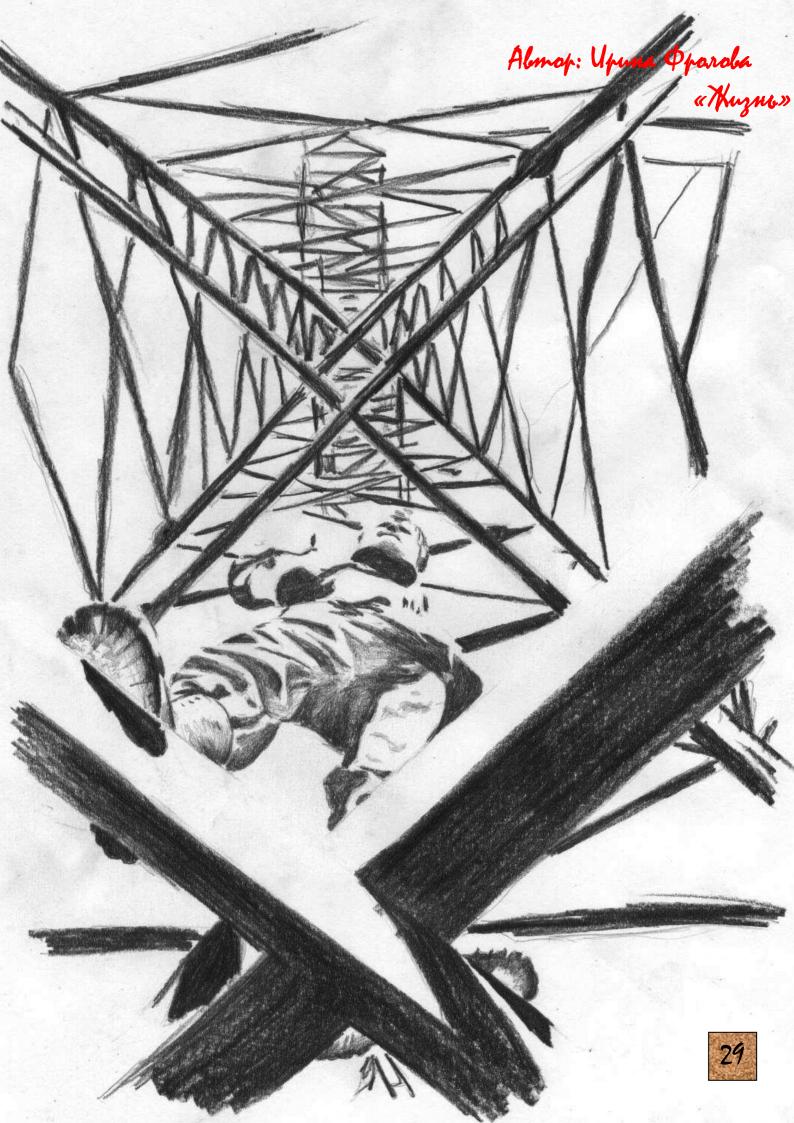
Рассыпайся, рисуя нимб Над неловким дрожаньем свечек. А потом - в самый тихий вечер -Стань одним.

На столе квадрат сияет белой пустотой/
Он и сам пока не знает, что уже живой.
Сделаю его поменьше: дважды пополам.
Вниз и вверх согну от ромба - к будущим крылам.
Я слагаю оригами ночью, как стихи.
Создаю и разделяю волшебством руки.
Свет настольной лампы чертит круг во тьме, а в нем Лист бумаги обернулся белым журавлем.
Я возьму его в ладони, и, пока темно,
Нашепчу ему заклятье, выпущу в окно.
Пусть летит он над огнями, следуя чутью,
И среди десятков комнат пусть найдет твою.
Приземлится на подушку рядышком с тобой,
И хранить тихонько будет сон бесценный твой

Вереском розовым, солодом-золотом Переброжу - стану терпкой, играющей. Сделай глоток меня. Чувствуешь, молотом Бьет по грудине и по нарастающей? Сделай глоток меня. Рьяно, без разума. Если застынешь и засомневаешься - Разом закончусь я, выдохнусь разом я. Поторопись или вовсе обманешься.

Вереском розовым в маленькой гавани Выросла дерзкому ветру на встречу. Солнца тепло во мне. Радость дождя во мне. Сделай глоток меня.

Чувствуешь, легче?

Budop rumamera

Ну вот и пришло время рассказать, в чем суть нашей новой рубрики. Как вам уже известно, произведения в номер отбираются коллективном в несколько человек. И мы не всегда приходим к единому мнению относительно того или иного произведения или автора. Эти произведения мы и решили представить на суд читателей, дать им возможность самим выбрать, что войдет в номер. На нашем форуме был создан опрос, где каждый мог прочитать и выбрать два лучших с его точки зрения произведения. В номер будут попадать пять произведений, набравших больше всего голосов.

В данном случае пятой место у нас поделили два произведение, поэтому в этот номер прошли не пять, а шесть текстов.

Mapu Quap

Ключи от комнаты потеряны - Я не спасу тебя от мук. Надежды ветром все развеяны - Моих ты не коснёшься рук...

Я, боль твою всегда несущая, По краю пропасти бреду. И если бы я в Бога верила, То оказалась бы в аду.

А то отступничество страшное Меня толкает в бездну лет! Мне было б умереть прекраснее, Чем жить, когда тебя здесь нет.

Mapuna Kuebekasa Yepnas nomna

Черная кошка бежала по диску луны. Думала я, развеет она все сомнения. Чувства к тебе стали неизлечимо больны -Черный на желтом - разве им есть продолжение?

Мягкие лапки по чьей-то потрепанной совести. Чьей-то, конечно, да только честнее — своей. Господи, может не поздно еще мне опомниться, И опустититься в потоки теперешних дней?

Ложью на ложь не всегда образуется равенство. Всеми неправдами как же суметь не предать? Мы же с тобой в сотый раз нагрешим и раскаемся, Ангелы наши в отчаяньи будут опять.

Разминовавшись с судьбой на какие-то пОлчаса, - Стук тех секунд до сих пор отдается в виске - - Нет его - вторили черной разлуки полчища Но отыскала следы я твои на песке...

Что же ты рвешься, любовь, не ровно, а клочьями Знаешь, тебя отпускаю затем, чтоб принять. Ангелы наши сдали свои полномочия: Некому нас с тобой, грешных, теперь охранять...

Upuna Bongapela Tyraxu

Compunous gyun

С бокалом "красного" в ночной тиши Я подарю тебе стриптиз души. На подиуме откровенных фраз Душа предстанет скоро без прикрас.

Отброшу разом крепкую броню От черной зависти и едкой злости. Красивые одежды я храню За прочным панцирем слоновой кости.

Сниму ажурные чулки Манящей роковой блудницы. В них я была, как ни крути, В свечении луны царицей.

Бесшумно развяжу корсет Для роли скромной героини. Надежно прятал он от всех Страстей безжалостные клинья.

Отброшу легкую вуаль Кокетства ветреной девчонки, Добропочтенной дамы шаль, Чепец наивного ребенка.

Ну вот...Почти обнажена. С тобой я больше не играю в прятки. Ах да! Деталь еще одна... Я юбочку оставлю. Для загадки...

Славно, видимо, покуролесили на подмостках уснувшего города. Нас трепало алтынными взвесями, нас трясло от декабрьского холода.

В мерзлых пальцах стаканчики с водкою. Закусили морозною свежестью. И втянули дырявой соломкою вкус удачи с наивной беспечностью.

А потом мы сражались с сугробами в мокрых шубах, дубленках и варежках. И бросались морозными сдобами, погружаясь в хрустящие залежи.

Город кутался в снежные завеси. Мы бродили по сказочным улочкам, размещая стоп-кадрами в памяти бесшабашности зимней прогулочки.

Сумасбродство гуляло до зарева. Солнце выгнало светлыми метлами всех гуляк в мокрых шубах. И марево оказалось оконными стеклами.

Пусть пульсируют пальцы замерзшие, согреваясь дыханьем твоим. Получилось отличное прошлое. Ну когда еще так погудим?

Marina Davis

Тяга к жизни практически - нулевая. На любовь не осталось эмоции. И трещит голова дурная. Силы нет, ни вставать, ни бороться. Погасите свет, занавесьте окна, прогоните незваных гостей. Либо сдохну, либо оглохну. В моём городе без новостей. По-весеннему теплая осень будет дождиком улицы мыть. Я умею любить каждой костью - просто некого больше любить. В моём городе нету звезд, зато в каждой столовой - wi - fi, Одиночество скажет свой тост, и мы выпьем зеленый чай. Дни, как траву, стрижет смерть-садовник, и как листья, годы летят. Я несчастный, забытый полковник, мне не пишут и не звонят. Жизнь все более виртуальна, на вопрос «привет, как дела», отвечают, что все нормально, пара смайлов и бла-бла-бла. В моём городе все идеально. Я жива, я вполне здорова, Я бросаю курить – что похвально, и встаю в половину восьмого. Я живу – в рамках автопилота... Лишний раз глаз – не открывать. То, что жить мне совсем не охота... Вам, наверное, наплевать.

Sudap rumanera

Borgan Apmenvel A gorwen bur ybugemo smom pacchem

Xaoc... Снова мысли бегут по кругу, Комом Раздвоились и в диком танце Глупо... Спотыкаются, вруг друг другу, Тщетно ... Собирая сознанье в ранцы. Грузом На висках залегли сомненья. Кто я? На вопрос не найти ответа, Буквы Снова сложатся в два виденья, Залегает и в том и в этом. Лвое... Снова двое кричат истошно, Не понять одному другого, Мрак... И во тьме разобрать невозможно: В этой каше родиться слову. Стой! Снова в зеркале я рискую Свет Потерять от своей надежды, Крест В исступлении я целую, Боль. Исцели мою боль, как прежде. Для логичных системных линей, Жизнь, Суматошная жизнь для ада, Снег... Думал снег, а всего лишь иней. Всё же

Он остудит и даст прохладу...

Я стоял и смотрел на рассвет в морозной гамме зимнего утра... Вот этот колючий воздух наполняет мои лёгкие, вот он выходит из них, превращаясь в невесомое облачко тёплого пара... Вдох, выдох... Мне становится легче... Я не спал всю ночь, но оно и не важно... Я должен был увидеть этот рассвет...

Konmauma

Ham caim - http://gazeta.atakasov.pp.ru/
Ham форум - http://gazeta.atakasov.pp.ru/forum/
Hama norma - gazeta_buk@mail.ru
Hama epyrna l normanne - http://vkontakte.ru/club5903087
Ham aror - http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/